

## ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

«Восточный Вестник», «Русская мысль» и «Книжки Недели» и «Отечественный Вестник» — журнал.

Новый роман П. Д. Боборыкина «По другому» совершенно нестерпим, к благополучию и читателей, и автора, и действующих лиц.

Эту приятную весть привнесла английская книжка «Восточный Вестник», в которой помещены фантасмы сцены и картины широко задуманного, но узко выполненного произведения неутомимого беллетриста.

Судя по первым главам романа, можно было думать, что П. Д. Боборыкин и на этот раз останется верен себе, т. е. даст скольконибудь точное отражение одного из наиболее типичных и наиболее жизнедеятельных общественных течений, но таких надежд, к сожалению, не оправдались. Автор жестоко занутился в лабиринты тошнотно-мелких деталей антуражей, устал сам, основательно утомя читателя в начале тьмы, что вынул из рук всё связующий нить романа, приобрел характер дрянного, неумело рассказанного анекдота.

В первой части тенденция автора была понятна каждому.

Он желал отбросить, так сказать, в лицах современное положение и роль в общей сумме жизненных движений переживаемых для народничества и народничества, противопоставляя им марксизм, «марксизм» и марксизм.

В этих весьма потчевных видах автор не брезгал ни одной мелочью, но единичные подмеченные факты; тщательно выискивал их на длинную белую нить; резко выделял по вестям укрощенных, обильно скрывал от глаз и бесцеремонности постороннего наблюдателя, сердито угадывал своих героев и героинь, устраивал словесные баталии между народничествами Разсудинскими и задвигал марксизм Шемадуровых, бедноты-гидеологов он описывал их тошнотой, тлетворностью, грязью, жестом, привычкой, капризом, и вообще, подготавливал читателя, если не кривое из литературного смысла, то большое, тлетворное, дрянное-искусственное повествование читателю обществу и к пониманию дрянных социальных движений.

Но понималась вторая часть романа «По другому» — и все пошло «по другому».

Человек, который влюбился в Студенцову, а Студенцова, ни во что не влюбившись, привалила к ней играть на бирже, потеряла свой капитал, а в конце концов сбираться золотых призраков, разорилась, начала посещать домские лекции и рыскала по закоулкам с предостережением, при помощи быстрого действующего ада, но в самую драматическую минуту получила от которого-либо предостережения совершенно неожиданно (pardon!) и «руку» из уже не тикло в тикло мушкетера — официально сообщает автор, что закончил романы строгих правил.

Подъём несчастной любви или ещё влиятельных канонических думных лиц, г. Разсудин читает с восторгом одно из своих «народничества» произведений, полагая на мушкетера и предостережение невозможное право в рыска в повелениях гламу.

Презрительный писатель Толкачев, который в

уклонном углу литературные итоги, ходить в вестях благословлять, послать что рыскает от правительств вестей за Разсудинских и его сестрицей в повелениях гламу, точно «повеления гламу» — склад старейшей небели.

В точно и сжато сформулированном виде роман П. Д. Боборыкина констатирует следующие факты:

1) У нас есть народники и народничество.  
2) У нас есть марксисты, марксизм и марксизм.

3) Народники «страдают» во всем, даже в любви.

4) Марксисты преуспевать, флиртуют, пользуются успехом у женщин и строят материальные планы, воплотить осуществленные планы, ибо они родились в сорочке.

5) «Большой свет» измучал, лишая настоящих интересов и вводит в свои сапоги борьбу славян.

6) Когда свободную, мыслящую женщину одолевает грубая проза жизни, она может отравиться, но может и не отравиться, а вступить в незаконное сожитие, пользоваться изысканными благами жизни и потом уже отравиться.

В этих шести пунктах весь смысл, вся эстетическая соль романа П. Д. Боборыкина «По другому», необычайно богатого количеством печатных страниц, но крайне бедного внутренним содержанием, слишком кабинетного, далекого от действительной жизни, истинно вымышленного.

Толкачев, Разсудин, Шемадуров, Студенцов и tutti quanti довольно любознательны со стороны своих отношений к жизни и людям, но и только.

Он не только, не градишь изысканным общественным настроением, не пылал глупо, но который можно было бы считать законченное выражение о чужом общественном строе и создавать характеристики эпохи.

Толкачев, Разсудин, Шемадуров, Студенцов, с их занятием в сапогах себя и в тёмных стенах «кружка» широкого сердца, всегда были, есть и будут, но «эпоха» они не создавали, не создали и не создадут, просто потому, что слышали много, слышали уверенно занимаются своим, в судности, очень малозначительный «и», своими личными надрывами, житейскими издательствами и душевными мозаиками, не утратив и не желая слиться с обществом, одарены чужим избранному делу, установили какой-нибудь «средний» помысл восток из своих взаимоотношений, без чего абсолютно невозможно общественная жизнь и хотя относительно продуктивная деятельность.

П. Д. Боборыкин, вводя на беллетристическую сцену «потерянного» за необходимость широк и убедительный г. Разсудина, очевидно, хотел издать публичный, знаменитый тип фанатика-борца, несправедливо уступил в том, что в действительности дал очень пусканный человеческий материал, сдержанный инстинктом, инстинктом, и первой сдержанности.

Нельзя сказать этой сдержанности Разсудина не выносить из одного печатного слова, исходящего от автора противники-марксистов, обладающих в своей чуждой личности, что правда, истина, смысл в сущности дрянных общественных восторгов, только тогда можно

будет приобрести законченную, удобопонятную форму, когда пройду через все партийные фильтры.

Не логично, больше того, — дико, нельзя предоставлять право решающего голоса Разсудинским, невыслушав до конца Шемадуровых даже в том случае, если бы Разсудины были чище и больше первого света, а Шемадуровы — чернее самой черной сажи.

И Разсудины, и Шемадуровы одинаково служат обществу, а, стало быть, располагают одинаковым правом быть выслушанными до конца, к какому бы изветизму ни прибегали Шемадуровы... в печатной борьбе.

В этом отношении автор допускает крупную ошибку, посылая Разсудина полицейскими штырями в повеления гламу, послать первых же его, Разсудина, посылать войти в настоящую трудовую жизнь и открыто побороться при помощи печатного слова с изветизмом жидовского Шемадурова.

В действительной жизни Разсудины отлично уживаются в столицах в силе, укрывшись рукой парировать удары г. Шемадуровых... весьма небездумно и крайне посетились обоим автор и с г-жею Студенцовой, — этой хитрой несправедливой эстетикой в штырь.

По штырь теории П. Д. Боборыкина, бедноты-ничтожества и скука Студенцовой констатирует самоубийство или идти на содержание в прожитом жизни богатым мелочам.

В отдельных случаях — это, конечно, бы...

В общем — видны совершенно другие.

(Ирреволюция, развитая Студенцова и Империализм, потерявший «примечание», boldly признаются за доступный их смысл и значение труда: гурбановство, бонус, контрторжества, поспешит, изобретения учителями и т. д.)

Остановитесь вокруг себя, — и вы встретите тысячи женщин, вышедших самым разнообразным трудовым обязательствам, поддерживающих чуждым семьям, воспитывающих и пристраивающих общественными силами в средствах подрастающих детей. И если г-жа Студенцова мыслит в постыдистости, если она, вместо трудовой борьбы, отравляется в роскошное княжеское малахитовое или княжеское издательство, то отсюда следует только то, что не столько одинаково подготовленным в трудовой деятельности, и что во всякой семье не без убого, а за тем ничего больше не следует.

Замечательная на этом намеченный притягательная обзорного произведения П. Д. Боборыкина, с грустью должны сказать, что и в восторге от пошлости, и в смысле литературной обработки оно стоит несравненно ниже других произведений того же автора, снискавших растраченную сниском риторично и роман ничего не разорит уму и сердцу читателя.

Качественное противоречие дрянного романа жизненных движений, а масса выдумки, но той совершенно не относящихся к делу, что стесненность окружения нехватку не густо непроизводительных делов, для которого он не может не возмущаться на бой с светом...

II.

После довольно продолжительного антракта А. Чехов написал «восток мучили» и поставил в аркадийской книжке «Рус. Мысль» в большой, задумчиво написанный, отрывок — «Мир».

При всей тенденциозности заглавия, отрывок

Волгарь. Н. Новгород,  
1897. 21 апреля. № 107.

С. 1.

представляет из себя почти фотографический снимок с суровой деревенской действительности, заполненной нуждой, вѣчными нехватками, вѣчными мучительными вопросами о насущном кускѣ, съ интервалами мрачнаго, въ концѣ изводящаго мужицкую душу загула.

Не обращаясь къ подробнымъ сравнениямъ, скажемъ, что произведение А. Чехова невольно приводитъ на память рассказы крестьянина Ф. А. Желтова «Передъ людьми».

Тѣже мрачные аккорды, тѣже вѣрные тоны и краски, таже мучительная безсходность, плотно окруженная заколдованнымъ кольцомъ экономическаго неустойства.

Авторъ рисуетъ повседневный бытъ крестьянской полуголодной семьи, увеличившейся неожиданнымъ прибытіемъ изъ города сына Николая, потерѣвшаго здоровье на службѣ въ московскихъ лавкахъ.

Хворый, изматывавшійся, обремененный женой и дочерью—подросткомъ,—Николай сваливается, какъ свѣтъ на голову, и окончательно нарушаетъ всякое равновѣсіе въ хозяйствѣ своихъ стариковъ.

Въ неопытной, засоренной набѣ поднимаются недѣли дряхли, укуры, высчитываніе наждаго пусака, злобные проклятія, въ разгаръ которыхъ Николай умираетъ, обесиленный неумѣреннымъ проволосканіемъ, а жена и дочь, взаимно на плечи котики, уходятъ въ городъ и по пути побираются подъ чужими окнами...

Въ очеркѣ нѣтъ ничего лишняго, ничего выдуманнаго или приращеннаго.

И эта-то неприкрашенность, эта добросовѣстная фотографія положительно поаваляютъ читателя, заставляя желать возможно скорѣйшаго и возможно широкаго развитія среди крестьянъ сѣверной полосы Россіи артельныхъ началъ. Пусть послѣдніе-наалѣтатъ, но паалѣтатъ въ высокой степени полезный, объединяющій слабосильныхъ земледѣльцевъ для соимѣстной борьбы съ многочисленными экономическими недугами, расширяющій предпріимчивость, безъ которой мелкое крестьянское хозяйство никогда не освободится отъ одолавающихъ его неурядицъ таготъ.

III.

Въ апрѣльской «Книжкѣ Недѣли» поощрено продолженіе «Нисемъ изъ кругосвѣтнаго путешествія» профессора А. Н. Краснова, очень ярко и полно рисующихъ частный и общественный бытъ современнаго Китая.

Говоря въ своемъ послѣднемъ нисемѣ о народныхъ развлеченияхъ, авторъ заявляетъ, что почти въ каждой китайской деревнѣ есть семейный театръ и что въ отношеніи увеселеній народная масса Китая стоитъ богаче, нежели мы не только нашей, но и европейской. Нисемъ сельскій житель, можно сказать, лишены развлеченій. Если не считать церковныхъ богослуженій, рѣдкихъ приарокъ и свадебъ, почти нисемъ не нарушаетъ однообразія деревенской повседневной жизни, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что крестьянскіе строятся хотъ временно забыть это удручающее его однообразие скорой, полной нужды и заботъ жизни, за водкомъ.

Хотъ китайцевъ въ такой же точно ширѣ можно упорить за употребленіе опиума, однако, въ общемъ здѣсь окурашивать себя въ свободное время меньше, чѣмъ у насъ. Объясняется это большимъ количествомъ культурныхъ развлеченій, между которыми театръ занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто.

Простоянныя труппы въ китайскихъ селахъ, конечно, нѣтъ. Онѣ появляются периодически, и тогда всѣ праздники и свободные часы населеніе проводитъ въ театрѣ, гдѣ оно передъ нехитро сколоченной сценою и обѣдаетъ, и завтракаетъ, и чуть даже не спитъ, такъ-какъ представленія длятся не часами, а цѣлыми днями. Это скорѣ духовныя мистеріи, чѣмъ настоящіе представленія, говоритъ авторъ, хотя обыкновенно подъ вечеръ представленія заканчиваются водевилями, нерѣдко нелишними игрищами и даже значительной доли комизма.

Сценическая обстановка весьма примитивна. Вездѣ дѣйствіе происходитъ при одной и той же декорации, и зритель должнъ воображеніемъ дополнить то, чего онъ не можетъ видѣть собственными глазами. Актеръ, прежде чѣмъ приступить къ дѣйствию, рассказываетъ въ длинной рѣчи биографію лица, которое онъ представляетъ.

Какъ бы то ни было, китайскій крестьянинъ нисемъ культурныя развлечения, въ видѣ сельскихъ театровъ, что собственно и требовалось доказать.

«Нисемъ» А. Н. Краснова полны захватывающаго интереса, и мы вернемся къ нимъ въ слѣдующемъ обзорѣ.

IV.

Книжка «Свѣтъ. Вѣст.» за апрѣль начинается стихотворными произведеніями декадентовъ.

Г. Сологубъ, г. Лѣдовъ, г. Бальмонтъ и, можетъ себѣ представить, г. Лермонтъ Яенискій сошлись вкушъ и устроили отличный декадентскій кварталъ.

Одинъ затѣвываетъ, другой подхватываетъ, третій тянетъ, четвертый «выноситъ»—совершенно такъ, какъ въ кварталѣ и если въ концѣ концовъ получается нѣчто, очень напоминающее какофонію, то тутъ виновато вышеизсказанное усердіе, а не недостатокъ его.

Послушаемъ, однако, что и какъ поетъ г. Федоръ Сологубъ.

Путь мой трудный, путь мой длинный,  
Я—одинъ въ странѣ пустынной,  
Но усады есть въ пути,—  
Улыбаюсь, забавляюсь,  
Самъ собою одолаиваясь,  
И не скучно мнѣ идти.  
Широкіи мои поляны,  
И бѣлы мои туманы,  
И светла луна моя.  
И поетъ мнѣ вѣтеръ волюный  
Рѣчью буйной, беззастѣливой  
Про блаженство бытія.

Какъ сами видите, г. Федоръ Сологубъ сдѣлалъ большаго шагъ впередъ. Онъ уже не издаетъ «спрана гробницъ», не «танцуетъ въ темныхъ переулкахъ», стремится проникнуть въ «чужую дверь», а жизнерадостно операруетъ въ «странѣ пустынной» улыбаясь, забавляясь, самъ собою одолаиваясь, поетъ буйнымъ, беззастѣливой рѣчью волюнаго вѣтра.

Ахъ, какъ жалъ, какъ глубоко жалъ, что буйный вѣтеръ не облагаетъ даромъ глаза мои!

Сквозь прекрасныхъ, поучительныхъ глаголовъ услышалъ бы отъ него г. Федоръ Сологубъ, сидя на широкихъ полянахъ, не ссылаясь съ свѣтлой луной гамбургскаго изгнѣженія «не особому вкусу»? «Не блинъ»—сказалъ бы ему вѣтеръ волюный въ рѣчи буйной,—не потерялъ прекрасную русскую рѣчь, не доходи до распутства возманившую въ гостяхъ

мысль, ибо такое распутство мыслей можетъ увлечь многія слабыя головы недоурачить «малыхъ смѣхъ» Внемли, а не то—да будетъ тебѣ стыдно!»

Вотъ что сказалъ бы г. Федору Сологубу вѣтеръ волюный, заноса его «широкія поляны» гнилыми канустными листьями и сѣнной трухой.

Слѣдуетъ дальше на встрѣчу щебетанью г. К. Лѣдова. Сей мужчина брицаетъ:

«Ночь. Не сплю. Тонить забота.

У дверей стучится кто-то,

Робко плечетъ: «носильщи!»

Огирчаю,—ни души».

И т. д. и т. д.

Все произведение г. Лѣдова самымъ положительнымъ образомъ свидѣтельствуетъ, что авторъ галлюцинируетъ и страдаетъ раздраженіемъ слухового органа.

Если пережить это, съ позволенія сказать «стихотвореніе» на обыкновенный языкъ, то получится слѣдующее:

Ночь. Не сплю. Тонить забота,

И слеза туманитъ взоръ.

У дверей стучится кто-то,

Ахъ, навѣрно, кредиторы!...

А мышиные кредиторы способны довести до галлюцинацій. На этотъ счетъ будте покойны.

Переходимъ къ г. Лермонту Яенискому.

Кто знакомъ съ литературной дѣятельностью г. Лермонта Яенискаго, тотъ тотчасъ же пойметъ, что онъ просто-на-просто предается баловству, ибо какой же, въ самомъ дѣлѣ, «декадентъ» г. Лермонтъ Яенискій?

Онъ, затаивъ лукавую улыбку, поетъ:

«Какъ призракъ, воздушна,  
Пришла и ушла,  
Какъ добру равнодушна,  
Не вѣдая аза,  
Безъ слезъ, безъ участія,  
Какъ свѣтъ хороша,—  
Безмяотное счастье,  
Нѣмая душа!»

И только. И ничего больше.

Это вполнѣ самостоятельное стихотвореніе, отдаленное отъ стоящаго ниже рюнованнаго вадора римской цифрой «11»

Кто, что, зачѣмъ, куда, отчего, почему?—решительно ничего неизвѣстно ни читателю, ни дунается намъ, самому автору.

Пришла такая назусная нипутъ, что те за-свербѣло въ головѣ досточитнаго г. Лермонта, и г. Лермонтъ заплѣ. Всякая нѣдъ, быльшѣ нипуты.

Быльшѣ нипуты,  
Когда густой дытъ  
Намъ зажется небомъ  
Прозрачно—густыня,  
А Ниронъ—пухлякъ,  
Со шиброй въ рукахъ,—  
Нипервой въ нирасѣ  
Наретъ въ облакахъ.  
Быльшѣ нипуты,  
Когда отурны  
Рюнуешь мы сильно  
Со словомъ «отцы»,  
И, вѣчно забравшись  
На дилуу смъ,  
Видѣть съ насомъ нипу,  
Съ нирой зарманъ...

Но доволно! Съ нами Богъ и Богъ съ нами!

Ремандъ.